

Горло Евгения Анатольевна

КВЕСТИВНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ

В данной статье уточняется определение квестивных референций с позиций лингвистической прагматики, рассматриваются наиболее важные для лингвопрагматического исследования теоретические положения в истории их изучения, представляется ход и результаты лингвопрагматического анализа экспликации квестивных референций на материале казачьего дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

способность перевода замещать собой оригинал в языке и культуре перевода [1, с. 159-160]. Ставя во главу угла репрезентативность перевода, переводчик осуществляет поиск не «формального тождества, а функционального замещения» [Там же, с. 162]. Предполагается, что изучение эквивалентности терминов в когнитивном русле позволит приблизить создание двуязычных концептуальных юридических словарей, репрезентативно отражающих системно-логические и лингвистические связи между терминами на двух языках.

Список литературы

1. **Вербицкая М. В.** Новые подходы к оценке качества перевода // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея профессора МГУ имени М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 159-162.
2. **Гроге Г. Р. де.** Проблемы юридического перевода с точки зрения компаративиста / пер. В. В. Бойцовой, Л. В. Бойцовой // Юрид. мир. 2003. № 7. С. 4-14.
3. **Закон об авторском праве и смежных правах Российской Федерации** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internet-law.ru/law/avt/avt.htm> (дата обращения: 15.04. 2013).
4. **Зяблова О. А.** Принципы исследования языка для специальных целей: На примере языка экономики: дисс. ... доктора филологических наук. М., 2005. 314 с.
5. **Ивина Л. В.** Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминотерминологических систем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003. 304 с.
6. **Латышев Л. К.** Технология перевода: учебное пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 278 с.
7. **Татаринов В. А.** Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации // Библиотека журнала «Русский Филологический вестник». М.: Московский Лицей, 2007. Т. 46. 384 с.
8. **Copyright Law of the United States of America and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.copyright.gov/title17/circ92.pdf> (дата обращения: 15.04. 2013).

PROBLEM OF EQUIVALENCE IN INDUSTRY-SPECIFIC TERMINOLOGY TRANSLATION (BY THE EXAMPLE OF AMERICAN COPYRIGHT)

Glinskaya Nelli Petrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
glinskaya_nelly@mail.ru

The author conducts the comparative analysis of the U.S. copyright terminology in cognitive and translation aspects, reveals the key concepts of copyright by the material of legislative acts of the USA and the Russian Federation, and discusses the problem of finding translation equivalents within the framework of complete, partial and absent equivalence of terms.

Key words and phrases: cognitive terminology studies; copyright terminology; terms equivalence; translation equivalents.

УДК 81'371

Филологические науки

В данной статье уточняется определение квестивных референций с позиций лингвистической прагматики, рассматриваются наиболее важные для лингвопрагматического исследования теоретические положения в истории их изучения, представляется ход и результаты лингвопрагматического анализа экспликации квестивных референций на материале казачьего дискурса.

Ключевые слова и фразы: прагматическое значение; субъектно-маркированная соотнесённость речевых единиц и объектов реальной действительности, квестивные модальные референции, казачий дискурс

Горло Евгения Анатольевна, к. филол. н.

Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова
shenetschka@rambler.ru

КВЕСТИВНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ[©]

На современном этапе развития лингвопрагматической научной парадигмы определение прагматического значения уточняется за счёт вовлечения в исследовательское поле иллокутивных намерений отправителя и перлокутивного эффекта заданной речевой единицы. Данный феномен позволяет определить прагматическое значение как сложное образование, с одной стороны, представляющее отношение отправителя к внешним стимулам коммуникативной ситуации, с другой стороны, актуализирующее субъективные реакции отправителя на данные стимулы.

Рассматривая прагматическое значение как образование, представляющее отношение отправителя к внешним стимулам коммуникативной ситуации, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью изучения субъектно маркированной соотнесённости речевых единиц и объектов реальной действительности, в терминах данного исследования – референции. В соответствии с различными нюансами соотнесённости речевых единиц и объектов реальной действительности можно выделить различные типы референции, к примеру, регулятивные [3] или квестивные референции. В данной статье представим результаты исследования квестивных референций с позиций лингвистической прагматики.

Квестивные референции эксплицируют отношение субъекта-отправителя к ситуации, когда объём наличествующей информации представляется ему недостаточным для успешной коммуникации и, следовательно, должен быть пополнен субъектом-получателем или самим отправителем.

Изучение квестивных референций с позиций лингвистической прагматики – сравнительно новое направление, которое, тем не менее, опирается на сформировавшуюся в рамках различных лингвистических направлений обширную теоретическую базу, раскрывающую различные моменты взаимодействия грамматических, семантических и прагматических составляющих вопросительных предложений, вопросительных речевых актов и т.д.

Так, например, феномен вопросительной речи, то есть такой речи, которая побуждает слушающего сообщить говорящему информацию, которой тот на данный момент не обладает, широко освещается в трудах А. М. Пешковского [7, с. 392]. В качестве основного признака вопросительной речи А. М. Пешковский анализирует наличие вопросительных частиц (*ли, разве, ужели, неужели*), вопросительных местоимённых существительных (*кто, что*) и вопросительных местоимённых прилагательных (*какой, чей, который*), а также инверсию и интонацию вопросительных предложений [Там же, с. 393-394].

Н. И. Жинкин рассматривает проблему соотношения вопросов и вопросительных предложений, условия фиксирования в предложении вопросительного значения, а также механизмы перехода вопросительного вида речи в другие её виды с позиций описательной грамматики. Вопросы трактуются автором как один из видов цели обращения, заключающийся в «побуждении собеседника ответить на обращённую к нему речь» [4, с. 23]. Вопросительное предложение, соответственно, рассматривается учёным как вопросительное, утверждающее, отрицающее или даже побудительное сообщение [Там же, с. 23-24, 32]. При этом Н. И. Жинкин указывает также на возможность компликации, т.е. слияния нескольких видов значений в одном вопросительном предложении [Там же, с. 25], обусловленную сложностью мышления и речевого общения [Там же, с. 29-30].

А. Вежбицкая, сопоставляя просьбы и вопросы, выделяет последние в самостоятельный класс речевых актов с наличествующим главным компонентом «желание знать» [2, с. 261]. Кроме того, вопросы, согласно мнению автора, отличаются от других речевых актов особым типом интонации [Там же].

Исследуя проблему иллокуции и связанную с ней проблему косвенных речевых актов, Р. Конрад предпринимает попытку представить систематическое описание вопросительных предложений на основе их употребления в роли косвенных речевых актов [5]. Косвенное значение вопросительного предложения рассматривается лингвистом как обусловленное речевой реализацией производное от исходного, прямого значения, являющегося частью языковой системы [Там же, с. 353]. Исходное значение вопросительного предложения, по Р. Конраду, состоит в осуществлении эротетического речевого акта, т.е. в выражении вопроса [Там же, с. 355]. Косвенное значение вопросительного предложения предполагает образование посылки к операции логического вывода и дальнейшее её осмысление с учётом разнообразных лингвистических и экстралингвистических факторов [Там же, с. 356]. Особое внимание учёный уделяет анализу гибридных вопросительных структур, в равной мере включающих в себя вопрос, просьбу, желание или требование. В гибридных структурах, по замыслу Р. Конрада, в рамках одной пропозиции одновременно реализуются два речевых акта [Там же, с. 377]. Для изучения таких конструкций, подчёркивает исследователь, необходимо привлечение анализа экстралингвистических ситуаций, в том числе с позиций социолингвистики [Там же, с. 381].

С позиций теории межкультурной коммуникации вопросительные речевые акты разрабатываются Е. А. Беляевой, которая, в частности, определяет вопросы как самостоятельные речевые акты, направленные на выражение говорящими «своего желания знать положение дел в действительности» [1, с. 8-9]. Основной функцией вопросительного речевого акта Е. А. Беляева считает демонстрацию информационной лакуны в знаниях говорящего и выражение желания устранения данной лакуны [Там же, с. 9].

В современной лингвистической традиции особое внимание уделяется конвенциональной закреплённости и пресуппозиционной обусловленности вопросительных высказываний [10, S. 10], анализируется содержательная детерминированность вопросительных предложений [11, S. 21], а также их прагматический потенциал [6, с. 132].

Систематизировав данные различных теоретических источников, уточним, с помощью каких речевых средств актуализируются в тексте квестивные референции. Итак, квестивные референции реализуются посредством: а) лексических средств – лексем с вопросительной семантикой (вопросительных частиц: *ли, не ... ли, что, что же, как, что ли, или, разве, неужели, что если, а, да, правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли, верно*; вопросительных местоимений: *кто, что, какой, каков, чей, который, где, когда, куда, откуда, почему, зачем, как, сколько, насколько* и т.д.); б) синтаксических средств – вопросительных или повествовательных предложений (со значением прямого или косвенного вопроса).

Проиллюстрируем актуализацию квестивных референций примерами из казачьего дискурса (казачьих писем и пословиц).

Пример 1

Хлеб да солища, нельзя ли с вами садиться? (казачья присказка).

Вопрос предполагает ответ со стороны получателя (ответ-подтверждение или ответ-отрицание). Например, хлеб-соль, едим да свой, а ты у порога постой (шуточная просьба присоединиться к столу, и такой же шуточный ответ).

Пример 2

И кто я теперь, Казак! И где мои песни? **Какого** коня поить?.. [8].

Помимо первичной функции вопроса (поиск информации, получение ответа) отправитель с помощью квестивов эксплицирует сообщение о собственном эмоциональном состоянии, растерянности, неприятия сложившегося положения дел.

Пример 3

Волен ли я в выборе? И что мне выбирать? [9, с. 23].

В данном отрывке письма М. А. Шолохова в Федерацию объединений советских писателей (9 июля 1928 г. Вешенская) первый вопрос направлен на получение информации об общем фоне ситуации, второй – на сообщении информации о конкретном факте действительности. В целом, мы имеем дело с вопросами-раздумьями. Отправитель обращается не только к получателю, но и к самому себе, анализируя сложившуюся к моменту создания письма ситуацию (письмо – ответ на статью А. В. Луначарского «Путешествие в колхозы»).

С целью эмпирического исследования квестивов на первом этапе трехступенчатого эксперимента мы обратились к четырём группам экспертов (I группа: юноши и девушки – носители русского языка в возрасте от 17 лет до 21 года, учащиеся факультета иностранных языков с выпускной специальностью «Филология»; II группа: мужчины и женщины – носители русского языка в возрасте от 45 до 65 лет, преподаватели иностранных языков; III группа: мужчины и женщины – носители русского языка в возрасте от 25 до 45, представители разных специальностей члены литературно-творческого объединения «Чайка»; IV группа: мужчины и женщины – носители немецкого языка в возрасте от 21 года до 65 лет, изучающие или уже изучившие русский язык как специальность) со следующим заданием: *Прочтите текст. Выпишите (или подчеркните) слова / выражения, с помощью которых обозначается недостаточность имеющейся информации и / или необходимость её восполнить.*

Выделенные экспертами-информантами речевые средства актуализации квестивной референции были систематизированы соответственно их принадлежности к лексическому или синтаксическому уровням языка и далее переведены в процентные величины. Оказалось, что квестивные референции актуализируются в казачьем дискурсе чаще всего посредством синтаксических средств (вопросительных или повествовательных предложений со значением прямого или косвенного вопроса) (58,50%), реже – с помощью лексических средств (41,50%).

Далее мы систематизировали выделенные информантами примеры актуализации квестивных референций с учётом наличия / отсутствия указания в них на активный коммуницирующий субъект, иницирующий квестивную ситуацию. Соответственно, актуализированные синтаксические группы, содержащие указания на активный коммуницирующий субъект, были отнесены к типу субъект-субъектной квестивной референции, актуализированные синтаксические группы, не содержащие указания на активный коммуницирующий субъект, – к типу субъект-объектных квестивных референций.

В общем виде высказывания с актуализированной субъект-субъектной и субъект-объектной квестивной референцией можно представить в виде следующих моделей:

- модели субъект-субъектной квестивной референции: $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$ – высказывания с эксплицитным (определённым) модусным субъектом, где $S(m)$ – эксплицитный модусный субъект, $P(m)$ – управляющий модальный, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект, а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат, и
- модели субъект-объектной квестивной референции: $P(m) + S(d) + P(d)$ – высказывания с имплицитным (неопределённым) модусным субъектом.

Примеры, соответствующие первой модели (модели субъект-субъектной квестивной референции) – *Примеры 2 и 3*. В данных высказываниях присутствует указание на коммуницирующий субъект, выраженное первым лицом единственного числа (*я, мне*). Субъектом, иницирующим квестивную ситуацию, является активный коммуникативный субъект (отправитель или лирический герой). Показатель актуализации такой модели – 79 (22,16% от общего числа зафиксированных маркеров квестивной референции).

Пример 1 соответствует второй модели (модели субъект-объектной квестивной референции). Здесь отсутствует указание на иницирующую квестивную ситуацию субъект. Показатель актуализации субъект-объектной квестивной референции равняется 277,5 (77,84% от общего числа маркеров квестивной референции).

Это означает, что в казачьем дискурсе отправители сравнительно редко маркируют собственную активность при инициации получателя к пополнению наличествующей информации.

Итак, в данной статье мы уточнили определение квестивных референций, рассмотрели некоторые теоретические предпосылки их изучения и представили лингвопрагматический анализ квестивных референций на материале казачьего дискурса. В следующих статьях обратимся к сопоставлению основных свойств дейктических, оценочных (аксеологических и эпистемических), эмотивных, контактивных, регулятивных и квестивных субъектно-маркированных референций с целью выявления общих закономерностей их функционирования как способов актуализации прагматического значения.

Список литературы

1. **Беляева Е. И.** Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.
2. **Вежицкая А.** Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 251-275.
3. **Горло Е. А.** Регулятивные модальные референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 2. С. 61-64.
4. **Жинкин Н. И.** Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. М.: Издательство академии наук СССР, 1955. Вып. 3. С. 22-34.
5. **Конрад Р.** Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 349-383.
6. **Нечаева Н. В.** Прагматический потенциал вопросительных конструкций в жанре литературно-критического эссе // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д: ДЮИ, 2012. Вып. 15. С. 130-134.
7. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. **Шмелёв И. С.** Письмо молодого казака [Электронный ресурс] // Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5-ти т. Т. 2. URL: <http://fstanitsa.ru/category/menyu/kultura/pismo-molodogo-kazaka-shmelev-novye-rasskazy-o-rossii> (дата обращения: 18.12.2012).
9. **Шолохов М. А.** Письма / под общей редакцией А. А. Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 480 с.
10. **Confais J. P.** Frage, Fragesatz, Fraglichkeit // Fragen und Fragesätze im Deutschen. Tübingen: Staufenburg Verlag, 1995. S. 1-12.
11. **Marschall M.** Fragezeichen oder was «bittschön» ist ein Fragesatz? // Fragen und Fragesätze im Deutschen. Tübingen: Staufenburg Verlag, 1995. S. 13-24.

QUESTIVE REFERENCES

Gorlo Evgeniya Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
shenetschka@rambler.ru

The author makes more exact the definition of questive references from the perspective of linguistic pragmatics, considers the most important theoretical concepts for linguo-pragmatic research in the history of their study, and presents the progress and results of the linguo-pragmatic analysis of questive references explication by the material of Cossack discourse.

Key words and phrases: pragmatic meaning; subject-marked correlation of speech units and objects of reality; questive modal references; Cossack discourse.

УДК 81'373.2

Филологические науки

В статье отражен один из аспектов исследования русского антропонимикона, зафиксированного в разножанровых рукописных памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в., представлена типология структурных моделей мужского именника. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из неопубликованных архивных материалов.

Ключевые слова и фразы: историческая антропонимика; региональная антропонимия; антропонимикон русских первопоселенцев Приенисейской Сибири; модели антропонимов.

Городилова Людмила Михайловна, д. филол. н., профессор
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
gorodilova_l@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-14-27002а/Г «Антропонимия Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в. (на материале памятников деловой письменности)».

Источником настоящего исследования послужили неопубликованные рукописные памятники делового содержания (более 400 ед.), хранящиеся преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПбФИРИ, Санкт-Петербург), а также в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, Красноярск).

Документальная письменность, созданная в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири в период ее активного освоения, отражает все структурные типы русских антропонимов – одно-, двух- и трехкомпонентную структуры, что соответствует общерусской картине формирования антропонимической системы. Под структурной моделью понимается определенный тип личной номинации (L), который характеризуется количественно-компонентным показателем (составом), принадлежностью к системе календарных (Lk) или некалендарных (Lpk) имен, а также функциональной нагрузкой каждого из членов именования [1, с. 119].